

about the object of nomination, thus developing his understanding of sense and ascertaining the semantic potential of the name.

In fundamental terms, similar ideas of proper nouns are expressed by many modern cognitive onomasticians.

Key words: proper name, meaning, sense, reference, philosophy of language.

Т. Е. Владимирова

Москва. Россия

УДК 81“23

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Принятие антропоцентрической парадигмы вернуло лингвистику в русло гумбольдтианского понимания языка как «внутреннего бытия человека», напомнив о важности его изучения с «целью познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [9, с. 383]. Действительно, языковое бытие становится начальной формой существования и источником дальнейшего развития ребенка. Но, наследуя картину мира и особенности его языковой концептуализации, человек не только присваивает язык («дом бытия»), созданную на его основе культуру («хранителя бытия») и заложенный в них «способ бытия» [19]. В процессе обучения и социализации в его сознании / самосознании постепенно выстраивается личностный код жизнедеятельности, опосредованный собственными ценностными представлениями. Поэтому язык, удваивающий мир, приобретает экзистенциальное измерение при обращении к бытию личности.

В этом контексте следует отметить, что смысл жизни выполняет функцию интегративной основы личности, задает ее целостность и формирует проект саморазвития. При этом поиск смысла жизни рассматривается как врожденная мотивационная тенденция [12]. А с пониманием подлинного бытия как единства личного существования и сущности возникает «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самой» (М. М. Бахтин) [6, с. 96].

Поэтому исследовательский горизонт лингвистики, призванной стать своеобразной школой познания / самопознания национальной языковой личности, предполагает обращение к тому исторически сложившемуся модусу языкового бытия, в котором протекает ее формирование и развитие.

Сопряженность языкового существования («смыслового ряда жизни» – М. М. Бахтин) с экзистенциальной философией и психологией открывает дополнительные возможности для изучения языковой личности, ее бытия и накопленных этносом ценностных представлений о смысле жизни. Особый исследовательский интерес вызывает изучение экзистенциальной пресуппозиции, раскрывающей априорные условия межкультурной коммуникации [7]. Здесь мы имеем в виду, с одной стороны, уровень общности экзистенциального опыта, т. е. смысложизненных представлений, установок и связанных с ними переживаний, а с другой, – их взаимодополнительность. Ведь достижение «полноты бытия» (М. М. Бахтин) в межличностном общении становится возможным лишь при соприкосновении сущностных основ бытия и готовности принять смысл жизни Другого. Поэтому исследовательский горизонт лингвистики, призванной стать своеобразной школой познания / самопознания национальной языковой личности, предполагает обращение к тому исторически сложившемуся модусу языкового бытия, в котором протекало ее формирование и развитие.

Настоящая статья посвящена рассмотрению базовых экзистенциальных концептов, в значительной степени задающих условия и модус коммуникации. В этом отношении представляется перспективным рассмотреть триады, на которые обратила внимание Н. Д. Арутюнова в работе «Истина и правда». Это характерная для западноевропейской культурной традиции триада <истина – закон – право> и соответствующая ей русская триада <правда – справедливость – совесть> [3, с. 639], в русле которых протекало становление самобытных языковых личностей.

Многовековая западная ориентация на античную культуру обеспечила подчинение закону, обязательному для всех, уважение прав отдельной личности и направленность на познание и поиск истины. В подтверждение

сошлемся на латинские афоризмы [4], вошедшие в различные европейские лингвокультуры, и приведем, прежде всего, те из них, в которых акцентируются:

- **приоритетность закона и прав личности:** *Salus reipublicae – suprema lex / Благо государства – высший закон; Justitia regnorum fundamentum / Правосудие – основа государства; Vir bonus est quis? Qui consulta patrum, qui leges jurare servat / Кто является добрым гражданином? – Тот, кто соблюдает решения отцов, права и законы и др.;*

- **стремление к истине и познанию:** *Знание – сила / Scientia est potentia; Счастлив, кто мог познать причины вещей / Felix qui potuit rerum cognoscere causas; Знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их смысл / Scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim ac potestatem и др.*

Что же касается русской культурной традиции, то в ней утвердилось не главенство общего закона и личного права, а православно обусловленные представления о чаемой высшей справедливости, суде собственной совести и о правде, понимаемой как «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость» [10, т. 3, с. 379]. В качестве иллюстрации сошлемся на пословицы, в которых нашли выражение

- **понимание правды как связанной с верой в Бога:** *Не в силе Бог, а в правде; У Бога правда одна; На суде Божьем право пойдет направо, а криво налево; Бог тому дает, кто правдой живет; Без правды жить легче, да помирать тяжело; Все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом; От Божьего суда не уйдешь; С Богом не поспоришь; Бог виноватого найдет; За доброе жди добра, за худое – худа; Не бойся никого, кроме Бога одного;*

- **преобладание нравственно-религиозного сознания над правовым:** *Чья душа в грехах, та и в ответе; В ком стыд, в том и совесть; Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука; Правда суда не боится; Правда сама себя очистит; Правдивый путь до небес; Береги платье снову, а честь смолоду; В ком совесть не чиста, тому и тень кочерги виселица!;*

- **недоверие к законодательной системе:** *Закон, что дышло, куда хочешь, туда и вышло; Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет; Законы-то святы, да судьи крючковаты; То-то и закон, как судья знаком!; Судья в суде, что рыба в пруде; Где закон, там и обида; Закон не кол: не обтешешь; Не всякий прут по закону гнут; В суд поди – и кошелек носи; Из суда, что из пруда, сухой не выйдешь; Была бы спина, найдется и вина и др.*

Если носители западноевропейских культурных ценностей были ориентированы на установление / поиск истины, то в русском народном сознании истина – это то, что реально есть (от общеславянского *istъ, -а, -о: *istъjъ, -aja, -oje – „тот же самый, подлинный, действительный, настоящий“, позднее – „основной капитал“, т. е. то, что имеется) [20, т. 1, с. 360]. Примечателен и комментарий В. И. Даля, согласно которому, истина является «достоянием разума человека», а правда – «дар благодости» т. е. благой дар свыше. Поэтому истина противопоставляется правде: *Истина от земли, а правда с небес*. Не удивительно, что пословицы, в которых речь идет об истине, не многочисленны: *Благо во образе* (т. е. доступное пониманию) *есть истина; Истина хороша, да и правда не плоха* [10, т. 2, с. 60].

Н. Д. Арутюнова также писала, что «русская ментальность не формальна» и «представляет не внешнюю по отношению к человеку, а внутреннюю силу. <...> Однако судить по правде, поступать по совести и быть справедливым вовсе не означает для него неукоснительно следовать правилам, соблюдать законы и стремиться к истине. Культ правды, справедливости и совести призван компенсировать равнодушие к правилам и законам, обесцененным социальной практикой» [3, с. 639–640].

Сделанный вывод получил подтверждение в ходе многолетнего масштабного исследования российского менталитета в постперестроечный период. Обобщая его результаты, К. А. Абульханова обратила внимание на склонность русского умственного склада «не к рефлексии, а к верованию», отметив, что эта основополагающая особенность в разные периоды проявлялась как вера в Бога, в царя, в социальную справедливость, в коммунизм. Кроме того, индивидуальное сознание, как показало

исследование, является «слишком историчным, слишком общественным» [2, с. 8–9], что объясняет сохранность в языковом сознании коренных, архетипических черт русской ментальности.

В этом контексте значительный интерес приобретает экзистенциальный концепт «совесть», вызывающий вопросы даже у носителей индоевропейских языков, которые нередко просят объяснить, что такое «русская совесть» или «больная совесть» и в чем заключается отличие совести от сознания.

Данный концепт, восходя к общеславянскому *sъvěstь „(по)знание, получаемое вместе с кем-либо“, с принятием Православия стал восприниматься как „внутренний закон, данный человеку Богом“. Поэтому многие понятия (и, в том числе, представление о *совести*) укоренились в нем не только как неразрывно связанные с верой в Бога, но и как имеющие абсолютную значимость для всех, включая язычников: *Не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую* [Рим. 2, с. 14–15]. В итоге возникшая в славянском переводе Библии калька двух средне-греческих слов *syneidesis* „совесть, сознание“ и *syneidos*“s „совместное знание, сознание, совесть“ приобрела на русской почве дополнительную коннотацию [20, т. 2, с. 184].

В подтверждение сошлемся на дефиницию «совести», которая является одной из наиболее обстоятельных в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *Робка совесть, поколь не заглушишь ее. От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь*». Кроме того, концептуальное поле «совесть» включало еще два близких по

смыслу слова: *честь*, т. е. «чистая совесть» (В. И. Даль) и *стыд*, т. е. «внутренняя исповедь перед совестью» (В. И. Даль) [10, т. 4, с. 256–257, 347, 599].

Ограничимся приведением лишь тех пословиц, в которых подчеркивается

- **связь совести с Богом:** *Добрая совесть – глаз Божий; От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь; Ни людям в честь, ни Богу в славу; В ком есть Бог, в том есть и стыд; Бога боится, людей стыдится; Кто Бога не боится, тот и людей не стыдится; Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда; Менять веру – менять и совесть* и др.

- **неотвратимость наказания за пренебрежение голосом совести:** *Совесть не волк, а ест поедом; Совесть без зубов, а загрызет; Совесть мучит, сдает, томит и убивает; Совесть с молоточком: спать не дает; У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится; Богатый совести не купит, а свою погубит; Лучше камень на шее носить, чем с нечистой совестью жить; Смерть лучше бесчестья; Кого честь не берет, того палка поймет; Лучше понести убытку на рубль, чем на грош стыда; С совестью не разминуться* и др.

В этой связи позволим себе напомнить известные строки из произведений А. С. Пушкина, входящие в концептуальное поле «совесть»: *И рад бежать, да некуда... ужасно! Да, жалок тот, в ком совесть не чиста!* («Борис Годунов»); *Совесть, Когтистый зверь, скребущий сердце, – совесть. Незванный гость, докучный собеседник, Заимодавец грубый; эта ведьма, От коей меркнет месяц, и могилы Смущаются и мертвых высылают* («Скупой рыцарь»); *Но где же гетман? Где злодей? Куда бежал он от угрызений Змеиной совести своей?* («Полтава»), а также следующие афоризмы Л. Н. Толстого: *В человеке есть свой суд – совесть. Дорожить надо только ее оценкой* («Путь жизни»); *Часто люди гордятся чистотой своей совести только потому, что они обладают короткой памятью. Я знаю в жизни только два действительных несчастья: угрызения совести и болезнь* («Круг чтения»).

Вместе с тем, среди русских «народных афоризмов» есть и так называемые **антипословицы**: *Отыми Бог стыд, все пойдет хорошо; Убей Бог стыд, так будешь сыт; Стыд не дым, глаза не выест; Стыдненько, да сытненько; Наша честь с утра до вечера; Хороша и честь и слава, а лучше того каравай сала; Честь больша, да съестъ нельзя; Пропадай и честь, коли нечего есть; Честь надета – можно и скинуть; Без стыда лица не износишь; Были бы деньги, а честь найдем* и др. Таким образом, пословичная мораль, передаваясь из поколения в поколение, предоставляла свободу выбора: *Что худо, того бегай, что добро, тому следуи!*

В проанализированной совокупности паремий о совести (всего 169) далекие от Православного вероучения антипословицы составляют 15%. Но их присутствие в «народном судебнике» позволяет говорить о нем как о континууме оценок, рефлексий и интуиций, в котором высокая вера соседствует с безверием, а нравственность – с цинизмом. Антиномичность ценностных представлений, создававшая напряженность самого бытия, с одной стороны, актуализировала потребность в опоре на Православное вероучение, а с другой, – создавала иллюзию свободы в выборе жизненных ориентиров.

С размыванием, а затем и с утратой долговременного ценностно-смыслового стержня бытия, сформировавшегося на основе Православной культуры, наступили десятилетия торжества КПСС, олицетворявшей «ум, честь и совесть» эпохи. Отношение к человеку как объекту манипуляций со стороны государства сформировало авторитарную личность, которой свойственно «идеологическое или фантомное сознание» [11, с. 80], ориентированное на строительство «светлого будущего».

Экзистенциальная острота личностного бытия в идеологизированном социокультурном пространстве, которая длительное время нивелировала индивидуальность, усиливала процесс деперсонализации личности. Убедительной иллюстрацией переживаний, связанных с укорененными в сознании представлениями о совести, может служить следующее высказывание главного героя романа В. Гросмана «Судьба и годы», в котором

идеоглосса «совесть» выступает своего рода несущей конструкцией всего повествования: *Женя, милая, – говорил Виктор Павлович, – вы поступили по совести. Поверьте, это лучшее, что дано человеку. Я не знаю, что принесет вам жизнь, но я уверен: сейчас вы поступили по совести; главная беда наша – мы живем не по совести. Мы говорим не то, что думаем. Чувствуем одно, а делаем другое. Толстой, помните, по поводу смертных казней сказал: «Не могу молчать!» А мы молчали, когда в тридцать седьмом году казнили тысячи невинных людей. И это лучшие молчали! Были ведь и шумно одобрявшие. (...) Лишать человека права на совесть – это ужасно. И если человек находит в себе силу поступить по совести, он чувствует такой прилив счастья.*

Обращает на себя внимание и тот факт, что и в годы «воинствующего атеизма», когда совесть трактовалась как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [15, с. 644], русское языковое сознание сохраняло ее связь с Высшим Судией. В качестве примера сошлемся на Даниила Гранина, который писал, что для него совесть – это «божественное начало, которое дано человеку. Она не ошибается. У нее нет проблемы выбора. Она не взвешивает, не рассчитывает, не заботится о выгоде. Может, только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни» [8, с. 38]. Примечательна и статья Федора Абрамова «Самый надежный судья – совесть», в которой он, размышляя об ответственности писателя, сказал: «для меня это тот бог, та совесть, которой (да не сочтите это за громкие слова) я выверяю всегда свою жизнь» [1, с. 34]. А в известной работе «О русской интеллигенции» Д. С. Лихачев писал: «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, – это рулевой его свободы. Она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной» [13, с. 3]. Примечательно и толкование этого концепта, данное Евгением Евтушенко в телепрограмме «Линия жизни»: «Совесть – это другое имя Бога».

Но вернемся к вопросу о соотношении двух экзистенциальных концептов: «совесть» и «сознание», последний из которых был зафиксирован в русском языке 1-й трети XIX века как калька латинского *conscientia* „сознание“. Смысловое различие между двумя понятиями становится очевидным при сравнении фразеологизмов, где они выступают в качестве семантически стержневых компонентов. Так, фразеологизмы со словом *совесть* имеют общее значение соотнесенности с Высшим Судией или с неким мерилем душевного спокойствия, правоты, честности и ответственности: *голос совести; с чистой / спокойной совестью; по совести; для очистки совести; без зазрения совести; на совести; на совесть; не за страх, а за совесть; пора и совесть знать; не имей ни стыда, ни совести; идти против совести; примириться с своей совестью; совести хватило; сделка с совестью*. А немногочисленные фразеологизмы, в которые входит лексема *сознание*, имеют отношение к способности ясно мыслить, здраво распознавать и оценивать: *до потери сознания, не укладывается в сознании, доходить до сознания, потерять сознание, быть без сознания*.

Что же касается романо-германских языков, то присутствующие в них кальки латинского «*conscientia*»: «*conscience*» (англ.), «*consciencia*» (испан.), «*conciencia*» (итал.), «*Gewissen*» (немец.), «*consciência*» (португал.), «*conscience*» (франц.) обычно переводятся на русский язык как «сознание», поскольку представление о связи человека с высшим духовным судьей в них не актуализировано. Аналогичным образом в польском и чешском языках рассматриваемый концепт «предстает как более рациональное чувство, которым можно управлять». При этом чешское *svědomin* (сравните: словацкое *svedomie* от *vedomy* – „знающий“) трактуется как «информация о нравственности, усвоенная сознанием», а польское *sumienie* (от *sumnienie*) – как «свидетель» мыслей и поступков, который «вершит суд» [18, с. 95]. Как следствие, ряд русских пословиц о совести, могут не иметь аналога в других языках христианского ареала.

Так, например, в английском языке [17] отсутствуют паремии, содержательно сопоставимые с приведенными выше русскими пословицами,

в которых совесть воспринимается как голос Всевышнего. Вместе с тем в обоих языках есть поговорки, обнаруживающие некоторую содержательно-смысловую и / или образную общность:

- *Better a good conscience without wisdom than wisdom without a good conscience* (Лучше хорошая совесть без мудрости, чем мудрость без хорошей совести); *You can't kid your conscience* (Невозможно обмануть свою совесть); *Conscience is as good as a thousand witnesses* (Совесть – тысяча свидетелей); *A guilty conscience needs no accuser* (Нечистой совести обвинитель не нужен); *Conscience betrays guilt* (Совесть выдает вину).

Ср.: *Как ни мудри, а совести не перемудришь; Без совести (стыда) и при большом уме не проживешь; С совестью не разминуться.*

- *A quiet conscience sleeps in thunder* (С чистой совестью и в грозу спится); *A good conscience is a constant feast* (У кого совесть чиста, тот может спать спокойно); *A guilty conscience is a self-accuser* (Нечистая совесть спать не дает); *Clear conscience never fears midnight knocking* (Чистая совесть никогда не испугается ночного стука в дверь).

Ср.: *У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится; Совесть спать не дает.*

- *An evil conscience breaks many a man's neck* (Нечистая совесть многих сгубила); *A guilty conscience feels continual fear* (Виновная совесть испытывает непрерывный страх); *A guilty conscience is a hidden enemy* (Виновная совесть – невидимый враг); *A guilty conscience is a lively enemy* (Виновная совесть подобна реальному врагу).

Ср.: *Совесть мучит, снедает, томит и / или убивает; Смерть лучше бесчестья.*

- *Conscience is what tells you not to do what you have just done* (Совесть – это то, что говорит вам не делать того, что вы только что сделали); *Conscience doesn't always keep you from doing wrong, but it does keep you from enjoying it* (Совесть не всегда удерживает от совершения неправильных поступков, но при этом не дает наслаждаться ими).

Ср.: *Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивает; Наперед спросись у совести.*

- *A clear conscience is far more valuable than money* (Чистая совесть дороже денег); *A good conscience is better than a big wage* (Хорошая совесть лучше, чем большая зарплата); *The best asset is a clean conscience* (Чистая совесть – ценнейшее имущество).

Ср.: *Лучше понести на гривну (на рубль) убытку, чем на алтын (на грош) стыда; Хоть мошна пуста, зато совесть чиста; Не в кафтане честь, а под кафтаном.*

- *Conscience is the dog that can't bite, but never stops barking* (Совесть, как собака, которая не может укусить, но никогда не перестает лаять).

Ср.: *Совесть не волк, а ест поедом; Совесть без зубов, а грызет (загрызет); Беззуба, а с костями сгложет (съест).*

- *The belly does not have a conscience* (У живота нет совести).

Ср.: *Стыдненько, да сытненько; Убей Бог стыд, так будешь сыт; Хороша и честь, и слава, а лучше того каравай сала; Честь больша, да съестъ нельзя.*

- *A clear conscience is the greatest armor* (Чистая совесть – лучшая броня).

Ср.: *В чести, что в шерсти тепло.*

Предпринятое рассмотрение концептов через призму пословиц, афоризмов и прецедентных текстов приближает к пониманию экзистенциальной пресуппозиции межкультурных контактов. Менялся мир и бытие носителей языка. Однако «старые ценности, выработанные многовековым народным опытом», остаются, как писал А. М. Панченко той «неизменяемой топикой», которая хранит «пределы “вечного града” культуры» [16, с. 263]. Поэтому обращение к духовному потенциалу слова и «овнешненных» в нем смысложизненных представлений раскрывает своеобразие национальных языковых личностей, их экзистенциальный опыт и модус бытия.

В заключение подчеркнем важность изучения экзистенциальной пресуппозиции и, шире, экзистенциальной картины бытия как присутствующей в сознании «ленты жизни», в которой находит выражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле существования. Полагаем, что исследования данной проблематики поможет открыть в себе «дар видеть мир в категории взаимодействия и сосуществования» [5, с. 42].

Литература

1. Абрамов Ф. А. Самый надежный судья – совесть / Ф. А. Абрамов // О хлебе насущном и хлебе духовном. – М. : Молодая гвардия, 1988. – С. 58–95.
2. Абульханова К. А. Российский менталитет : кросс-культурный и типологический подходы / К. А. Абульханова // Российский менталитет : вопросы психологической теории и практики. – М. : Издательство Институт психологии РАН, 1997. – С. 7–37.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
4. Бабичев Н. Т. Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский / Под ред. Я. М. Боровского. – [2-е изд.]. – М. : Русский язык, 1986. – 960 с.
5. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 9–191.
6. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : «NEXТ», 1994. – 509 с.
7. Владимирова Т. Е. Призванные в общение : Русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т. Е. Владимирова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.

8. Гранин Д. Причуды моей памяти / Д. Гранин. – М. : Центрполиграф, 2008. – 441 с.
9. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1–4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980, Т. 1. – 699 с., Т. 2. – 779 с., Т. 3. – 555 с., Т. 4. – 683 с.
11. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
12. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
13. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции / Д. С. Лихачев // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3–9.
14. Лурье С. В. В. Историческая этнология / С. В. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.
16. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. – Л. : Наука, 1984. – 205 с.
17. Петер И. Г. Представление о совести в английских пословицах [Электронный ресурс] / И. Г. Петер, К. В. Мкртчян. – Режим доступа : <http://sibac.info/1285>.
18. Стефанский Е. Концепт „совесть“ в русской, польской и чешской литературах / Е. Стефанский // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 11. – С. 124–132.
19. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления : Пер. с нем. – М. : Республика, 1993. – С. 192–220.
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. – Т. 2. – 560 с.

Аннотация

Владимирова Т.Е. Экзистенциальная пресуппозиция в межкультурной коммуникации.

В центре внимания настоящей статьи ключевые концепты языковой картины мира, которые раскрывают особенности ментальности и речевого поведения национальной языковой личности. Особое внимание уделяется концептам «совесть», «правда», «закон» и некоторым другим, которые рассматриваются с целью выявления экзистенциальной пресуппозиции межкультурной коммуникации. В работе анализируются русские и английские пословицы о совести, которая является одной из доминант общехристианской культурной традиции.

Обосновывается введение металингвистического понятия экзистенциальной картины мира как присутствующей в сознании «ленты жизни», в которой находит отражение не только этнокультурный и когнитивно-коммуникативный, но также исторически сложившийся экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле существования. Объединяя в одном исследовательском горизонте представление о существовании и о сущности, данное понятие может рассматриваться как своего рода ключ, раскрывающий доминантные особенности уникального жизненного опыта человека, а через него и национальной языковой личности.

Ключевые слова: смысл жизни, языковая личность, бытие, пресуппозиция, концепт, картина мира, экзистенциальный.

Анотація

Владимирова Т.Є. Екзистенціальна пресупозиція в міжкультурній комунікації.

У центрі уваги статті перебувають ключові концепти мовної картини світу, які розкривають особливості ментальності та мовної поведінки національної мовної особистості. Особливу увагу зосереджено на концептах „совість”, „правда”, „закон” та деяких інших, що розглядаються задля вияву екзистенціальної пресупозиції міжкультурної комунікації. У роботі проаналізовано російські та англійські прислів'я про совість, яка постає однією з домінант загальнохристиянської культурної традиції.

Обґрунтовано уведення металингвістичного поняття екзистенціальної картини світу як присутньої у свідомості „стрічки життя”, у якій відображено не лише етнокультурний та когнітивно-комунікативний, але й також історично зумовлений екзистенціальний досвід мовної особистості, опосередкований ціннісними уявленнями про сенс буття. Поєднуючи на одному дослідницькому горизонті уявлення про існування та сутність, це поняття може розглядатися як певного роду ключ, що розкриває домінантні

особливості унікального життєвого досвіду людини, а через неї й національної мовної особистості.

Ключові слова: сенс життя, мовна особистість, буття, пресупозиція, концепт, картина світу, екзистенціальний.

Abstract

Vladimirova T.Y. The existential presupposition of intercultural communication.

In modern linguistics, pragmatics has come to be applied to the study of language from the point of view of the users. The main aim of pragmatic theory is to explain how successful communication is possible, and in particular, how utterances are understood. Understanding an utterance involves recovering the proposition it expresses. The term presupposition has been used to cover a very broad category of semantic and pragmatic phenomena that have an essential bearing on the understanding of utterances.

Since pragmatics is so important in identifying the boundaries of lexical and sentential meaning, it is necessary to establish how existential presupposition of cultural interaction operates in Russian proverbs and how it can be identified.

The focus of this article is the key concepts of the worldview that reveal the features of the mentality and behavior of the speech of the national language of the individual. Particular attention is paid to the concept of “conscience”, “truth”, “law” and some others that are considered in order to identify the existential presuppositions of intercultural communication. The paper analyzes the Russian and English proverbs of conscience, which is one of the landmarks of the common Christian cultural tradition.

The introduction of the concept of metalinguistic existential picture of the world, present in the minds as “ribbon of life” and reflecting not only communicative and cognitive, but also a historically existential experience of linguistic personality, and mediated value ideas about the meaning of existence, is justified. Combining in one research horizon idea of existence and essence, this concept can be seen as a kind of key that reveals the dominant features of a unique life experience, and through it the national linguistic personality.

Key words: the meaning of life, language personality, being, presupposition, concept, world picture, existential.